

Э.М. Думнова

Культурный код в современной архитектуре Японии

Аннотация. Рассматривается специфика визуализации культурного кода в современной архитектуре Японии. Культурный код представляет собой совокупность смыслов, значимых для конкретной культуры и передаваемых посредством знаково-символической системы. Современная архитектура Японии представляет собой уникальный пример сохранения и функционирования культурного кода в условиях техногенной цивилизации.

Принадлежность японской культуры к пространственному типу культур основывается на нелинейном мировосприятии и пространственном миропонимании, отражающим недуральную модель мира, представленную в различных религиозно-философских учениях Японии в симбиозе. Эта особенность японской культуры детерминирует специфику методологии ее исследования, в частности исследования визуального искусства — архитектуры. В качестве исследовательской оптики использован комплекс семиотического и культурно-топологического подходов, позволивший выявить содержание и способы визуализации культурного кода в современной архитектуре Японии. Архитектурными объектами анализа стали здания, созданные по проектам архитекторов-метаболистов — Курокава Кисё, Тангэ Кэндзо, Кикутакэ Киёнори.

В результате проведенного анализа удалось прийти к следующим выводам:

– Для современной архитектуры Японии свойственен двойной язык, предполагающий наличие двух уровней кодирования в одном сообщении — денотативный и коннотативный. Первому соответствует прямое сообщение, второму — подразумеваемое. Для декодирования прямого сообщения достаточно владеть вербальным кодом, определяемым естественным языком. Подразумеваемое же сообщение осуществляется посредством коннотации.

– Культурный код в архитектурном сообщении подлежит декодированию на коннотативном уровне, где ключевое значение имеют пространственные концепты (топологемы). Основными топологемами, визуализируемыми в современной японской архитектуре, выступают *пустота (шуньята)*, *глубина (оку)*, *промежуток (ма)*, *перетекание (каёи)*.

– Философские постулаты, отражающие ментальную матрицу японского народа, нашли репрезентацию в архитектуре метаболизма, объединившей традиционные смысложизненные принципы с новейшими техническими достижениями, посредством новой архитектурной поэтики. В основе теории метаболизма заключен принцип развития и «роста» архитектурной композиции подобно живому организму. Данный принцип отражает представления о двуединой модели мира. Пространственные топологемы визуализируются с использованием приемов формообразования посредством гиперболоидных плавных линий, асимметрии, промежуточного пространства, метафоры. Новая архитектурная поэтика, отражающая доктринальную основу архитектурных стилей метаболизм и постметаболизм, позволила их представителям достичь эффекта встроенности набора архетипических японских символов в футуристический облик зданий.

Ключевые слова: культурный код, визуализация пространственных концептов, топологемы, архитектурная поэтика, современная архитектура Японии, метаболизм, постметаболизм.

Автор: Думнова Эльнара Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления (адрес: 630099, Новосибирск, Каменская, 56), ORCID: 0000-0002-8880-3283. E-mail: dumnova79@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Думнова Э.М. Культурный код в современной архитектуре Японии // Японские исследования. 2026. № 2. С. 51—67.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-2-51-67.

E.M. Dumnova

Cultural code in the modern architecture of Japan

Abstract. The article examines the specifics of visualizing the cultural code in modern Japanese architecture. The cultural code is a set of meanings that are significant for a particular culture and are conveyed through a sign-symbolic system. Modern Japanese architecture is a unique example of the preservation and functioning of the cultural code in a technogenic civilization.

The affiliation of Japanese culture to the spatial type of culture is based on a non-linear perception of the world and a spatial understanding of the world, which reflects the non-dual model of the world presented in various religious and philosophical teachings of Japan in symbiosis. This feature of Japanese culture determines the specific methodology of its study, particularly the study of visual art, such as architecture. The study uses a combination of semiotic and cultural-topological approaches to identify the content and methods of visualizing the cultural code in contemporary Japanese architecture. The architectural objects of analysis were buildings designed by the metabolic architects Kisho Kurokawa, Kenzo Tange, and Kiyonori Kikutake.

Based on the analysis, the following conclusions were reached:

- Modern Japanese architecture is characterized by a dual language that involves two levels of encoding in a single message: denotative and connotative. The former corresponds to a direct message, while the latter represents an implied message. To decode a direct message, it is sufficient to possess a verbal code defined by natural language. Conversely, an implied message is conveyed through connotation.

- The cultural code in the architectural message is subject to decoding at the connotative level, where spatial concepts (topologemes) are of key importance. The main topologemes visualized in modern Japanese architecture are *emptiness (shunyata)*, *depth (oku)*, *gap (ma)*, and *flow (kayoi)*.

- The philosophical postulates reflecting the mental matrix of the Japanese people have been represented in the architecture of metabolism, which has combined traditional principles of life with the latest technological achievements through a new architectural poetics. The theory of metabolism is based on the principle of development and “growth” of an architectural composition, similar to a living organism. This principle reflects the idea of a twofold model of the world. Spatial topologemes are visualized using methods of shaping through hyperboloid smooth lines, asymmetry, intermediate space, and metaphor. The new architectural poetics, reflecting the doctrinal basis of the architectural styles of metabolism and post-metabolism, allowed their representatives to achieve the effect of embedding a set of archetypal Japanese symbols into the futuristic appearance of buildings.

Keywords: cultural code, visualization of spatial concepts, topologemes, architectural poetics, modern Japanese architecture, metabolism, post-metabolism.

Author: *Dumnova Elnara M.*, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Humanities Novosibirsk State University of the Economy and Management (address: 630099, Novosibirsk, Kamenskaya, 56).

ORCID: 0000-0002-8880-3283. E-mail: dumnova79@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dumnova, E.M. (2026). Kul'turnyi kod v sovremennoi arkhitekture Yaponii [Cultural code in the modern architecture of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 2, 51—67. (In Russian).

DOI: 10.55105/2500-2872-2026-2-51-67.

Введение

Культуре свойственны как изменчивость, так и постоянство. Если трансформация культуры детерминирована преимущественно внешними факторами, то, что же лежит в основе ее относительного постоянства?

Культура как открытая подсистема общества, с одной стороны является результатом его развития, квинтэссенцией опыта многих поколений, а с другой — как любая система стремиться к самосохранению и саморазвитию. Именно поэтому культура трансформируется сообразно социальному запросу, сохраняя при этом свое ядро, определяющее ее постоянство. В семиотике оно нашло отражение в понятии *культурный код*. Культурный код представляет собой совокупность смыслов, передаваемых посредством знаково-символической системы в конкретной области культуры, в частности в архитектуре, представляющей собой коммуникативное пространство [У. Эко 2004]. Коммуникация — это передача определенного смысла посредством его репрезентации в знаках. Данный процесс возможен при наличии культурного кода, который позволяет зашифровать определенные смыслы в соответствующих знаках. «Код вступает в дело, когда тот или иной объект (конструкт) применяется как средство *репрезентации*, то есть как *знак* чего-то иного» [Спешилова, Аванесов 2023, с. 224]. Он отражает историческую глубину развития конкретного общества, вобрав в себя национальные особенности восприятия мира.

Проблема исследования состоит в обосновании релевантной методологии для изучения феномена визуализации культурного кода Японии в ее современной архитектуре. Это позволит выявить способы и инструменты поддержания традиций в условиях техногенной цивилизации в формате архитектурного пространства применительно к пространственному типу культуры.

Цель статьи — исследовать способы визуальной репрезентации и механизм декодирования культурного кода в современной архитектуре Японии на примере архитектуры метаболизма и постметаболизма.

Научная новизна состоит:

- в обосновании методологии исследования семиозиса и визуализации культурного кода в архитектуре Японии, относящейся к пространственному типу культуры;
- в выявлении содержания и способов визуальной репрезентации и механизмов декодирования культурного кода в современной японской архитектуре.

Истоки и механизм культурного кода

В основе формирования культурного кода Японии лежит симбиоз религиозно-философских систем, пришедших в Страну восходящего солнца с материка. Уникальность аутентичной японской религии синтоизма состоит не только в его содержании, но и в способности сосуществовать с другими религиозно-философскими учениями длительный период. Заимствование и адаптация Японией буддизма, даосизма и конфуцианства позволила достичь обогащения культуры посредством способности к их симбиозу. Каждое из этих религиозно-философских учений имело разную степень влияния в определенные исторические периоды, вместе с тем, все они внесли вклад в мировоззрение японского народа, его ментальной матрицы, которые детерминировали формирование культурного кода Японии.

Эти религиозно-философские учения сосредоточили специфику восточного типа мышления. Она выражается в интуитивном восприятии мира, что определяет ее иррациональность, образность. В них прослеживается идея о недualьной модели мира, которая основана на представлениях о двуединстве Абсолюта и эмпирической сферы [Григорьева 1979, с. 92—93]. Согласно этой идеи Абсолют не существует где-то во вне, он растворен в бытии человека, присутствует в нем самом, в каждой вещи, в природе. В связи с этим сущность неотделима от явления и постижение вещи возможно исключительно в ее целостности. Двухединная природа Абсолюта определяется как в буддизме, так и в даосизме, что привело к пониманию неделимости мира и пути его постижения как единого целого [Григорьева 1979, с. 94—95].

К этой модели мира восходят истоки мировосприятия японцев. Мир для них представляется единым целым, неразделимым на объект и субъект, что объясняет их погружение в стихию непосредственного опыта [Изотова 2021, с. 34].

Целостность мировосприятия исторически обусловлена и отражается в особенностях значимости пространственно-временного континуума в японской культуре. Согласно типологии культур, разработанной Г.М. Гачевым по принципу временной и пространственной ориентированности, японская культура является пространственной [Гачев 1998]. Ряд объективных факторов предопределил первостепенную роль пространства в жизни японцев, что повлияло на их способность мыслить пространственными образами.

Вторая априорная форма чувственности — время, является второстепенной для японцев. Как отмечает Т.П. Григорьева, «ощущение вневременности, или неощущение времени, восходит к исконным синтоистским представлениям» [Григорьева 1979, с. 88—89]. Схожая идея об иллюзорности времени присутствует также в буддизме. Этим объясняется восприятие текучести вещей, осознание их изменчивости и неуловимости, что исключает «склонность к точному фиксированию времени, к линейному его восприятию» [Григорьева 1979, с. 89].

Методология исследования знаково-символического пространства современной японской архитектуры

Наличие нелинейного мировосприятия и пространственного миропонимания представителей японской культуры актуализирует вопрос о релевантной методоло-

гии исследования символического пространства японской культуры, в частности архитектурного пространства.

Семиотический подход, предполагающий линейный тип восприятия и позиционирующий вследствие этого пространство как текст, прежде всего, ориентирован на изучение западной культуры. Несмотря на это, есть возможность реализации его методологической продуктивности применительно к исследованию архитектурного пространства Японии, поскольку знаково-символическое пространство архитектуры содержит два уровня кодирования: одному соответствует прямое сообщение, другому — подразумеваемое. Для декодирования прямого сообщения достаточно владеть вербальным кодом, определяемым естественным языком. Подразумеваемое же сообщение осуществляется посредством коннотации, то есть «отсылки к неявному смыслу» [Спешилова, Аванесов 2023, с. 226]. Семиотический подход применим к изучению первого уровня кодирования.

Второй (коннотативный) уровень предполагает значимую роль концептов. В процессе накопления опыта поколений в восточной культуре складываются определенные представления о мире и его устройстве, которые нашли свое отражение в *концептах*. С позиций семиотического подхода, значение концепта в пространстве культуры определяется его посреднической ролью между представлениями, мировоззренческими установками и их фиксацией в национальном языке, что способствует возникновению пространства значений. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознания человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», и одновременно «концепт — это то, посредством чего <...> сам человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов 2001, с. 40]. Специфика концепта определяется тем, что он мыслится, переживается и оценивается человеком. Это отличает концепт от понятия. Содержание концепта детерминировано исходным ракурсом национального мировоззрения [Решетникова 2007, с. 269]. Поэтому одинаковые концепты могут различаться по смыслу в разных культурах и определять соответствующий культурный код.

Такие важные концепты японской культуры как *время, пространство, движение*, находят визуальные репрезентации в различных архитектурных объектах. При этом результат декодирования этих сообщений зависит от «читателя», от его культурной идентичности, осведомленности о традиционной культуре Японии и ее семиотическом пространстве. «Чтобы достаточно полно и адекватно понять сообщение, реципиент должен владеть <...> культурными кодами, которые задействуются» [Кюрегян 2012, с. 79]. «Знание кода позволяет обнаружить и воспринять коннотативный слой сообщения или образа, вскрыть их более глубокий семиотический слой» [Спешилова, Аванесов 2023, с. 227]. Для непосвященного реципиента включается режим денотации сообщения. Указанные выше концепты имеют принципиально иные смыслы в западной культуре.

Таким образом, смысл, закрепленный в концепте, далее подлежит репрезентации в пространстве культуры и декодированию на коннотативном уровне. При этом пространственность модели мира определяет связь концепта и его экспликации в образе. Любая культура имеет совокупность базовых концептов, во многом определяющих ее универсалии, и шкала их значимости определяется ее типом. Исходя из рассмотренной типологии культур Г.М. Гачева, следует определяющее значение простран-

венных концептов в Японской культуре — *топологем*. К ним относятся: *пустота (шуньята), глубина (оку), промежуток (ма), перетекание (каёи)*.

Так, мировоззренческие установки фиксируются в естественном языке посредством концептов, которые в свою очередь эксплицируются в разных сферах культуры в образах. Второй (коннотативный уровень) декодирования применим к сообщению, доносимому в образе. На основании этого *естественный язык и пространственность* выделяются как универсальные и константные параметры культуры [Решетникова 2007b, с. 12].

Для изучения топологем архитектурного пространства, объективированных в архитектурных объектах, эффективным является культурно-топологический подход [Решетникова 2007b, с. 14]. Он позволяет проследить взаимосвязь между топологией языка и топологией архитектурного пространства, выявив их константность и/или изменения.

В контексте осмысления семиотического пространства современной японской архитектуры возникает вопрос об использовании в ней языка двойного кодирования. Данная исследовательская оптика, представляющая симбиоз семиотического и культурно-топологического подходов, решает проблему «двойного языка архитектуры». Если Ч. Дженкс определяет его применительно к архитектуре постмодернизма [Дженкс 1985], сформировавшейся в недрах западной цивилизации, то традиционная японская культура в режиме ее сохранения вносит определенные коррективы в язык современной архитектуры. Это обусловлено уникальностью современной японской культуры в целом и архитектуры в частности, состоящей в способности органично сочетать традиции и новации. Идея нерасторжимости Единого и единичного, существующая в даосизме детерминировала мировоззренческую установку, ставшую основой закона традиционализма: новое воспринимается как обновленное старое, одно не замещается другим, а сосуществует с другим, новым витком нанизывается на ту же ось [Григорьева 1985, с. 74]. Закон традиционализма детерминировал устойчивость национальной традиции в современной японской культуре, а также способность интегрироваться в современные реалии, предоставляя при этом возможность возникновения новых элементов культуры на соответствующих витках ее развития. Традиционные концепты японской культуры во многом определяют современную архитектурную поэтику, посредством чего в архитектурном пространстве эксплицируется национальная самобытность Японии в сочетании с новыми чертами современной архитектуры, детерминированными социальным запросом современного общества. Это предполагает наличие коннотативного уровня кодирования сообщений. Как отмечает В.Г. Акопян, «...С семиотических позиций понимание есть перекодирование с «чужого» кода на «свой». Усвоенный «чужой» код присваивается субъектом и обычно присоединяется к «своему». Но иногда код остается для субъекта «чужим»; человек не принимает его душой. Таковы коды, содержащие идеи и ценности, несовместимые/малосовместимые с когнитивно-аксиологической системой данного индивида» [Акопян 2015, с. 72]. Именно поэтому глубина восприятия объектов японской архитектуры и раскрытие заложенных автором изначальных смыслов возможны только исходя из координат мировосприятия представителей японской культуры.

Вместе с тем, использование ряда современных архитектурных приемов, в числе которых однозначная и намекающая метафора, симметрия и другие, позволило

сформировать и воплотить современным японским архитекторам язык двойного кодирования, предполагающего декодирование сообщения, как на денотативном уровне, так и на коннотативном уровнях. Это делает их творения доступными для более широкого круга реципиентов, относящихся к другим культурам, что определяет особенность их восприятия и понимания языка архитектуры.

Репрезентация культурного кода в архитектурном пространстве современной Японии

Современная архитектура Японии представляет собой уникальный пример сохранения и функционирования культурного кода в условиях техногенной цивилизации. Одним из этапов ее развития является формирование в 1960-х гг. нового архитектурного стиля — метаболизма. Его основоположником стал передовой японский архитектор Курокава Кисё, работавший с группой единомышленников, которую составили Тангэ Кэндзо, Кикутакэ Киёнори, Маки Фумихико, Отака Масато и архитектурный критик Кавадзоэ Нобуру. Возникновение метаболизма привело к новому восприятию архитектуры Японии в мире, что нашло отражение в глобальном архитектурном дискурсе [Hojda 2021]. Идеи метаболизма были «основаны на фундаментальных понятиях циклов использования, номадизма, модульности, компактного урбанизма, расширяемости и заменяемости, вдохновленных биологической метафорой органического роста живых организмов, а также культурным влиянием философской мысли и религиозных традиций Восточной Азии» [Pernice 2021].

Архитекторы-метаболисты стремились к созданию новой архитектуры, отражающей темп современности и одновременно способствующей переосмыслению общества, его развития на основе традиционных мировоззренческих принципов японского народа. «Подвижность и метаболизм архитектуры и городского пространства в целом», корнями уходит в древнюю японскую архитектурную традицию, в основе которой лежали синтоистские представления. В частности, в Японии, по крайней мере, с V в. существовали традиции переноса столицы с места на место, что объяснялось в синтоизме убеждением о «загрязнении» длительно используемой территории эманациями болезней и смерти [Shevtsova 2020, p. 5].

Согласно всеобщему закону выражения единого в форме единичного, развитие получает все сущее, в том числе и архитектура. В основе теории метаболизма заключен принцип развития и «роста» архитектурной композиции подобно живому организму. Данный принцип отражает представления о двуединой модели мира, сложившиеся в восточных религиозно-философских учениях. Движение является основой существования мира, его цикличность обуславливает спиралевидное развитие, предполагающее частичное сохранение имеющегося опыта и наложение новых элементов. В структуре как отдельных зданий и комплексов, так и целых городов, разработанных под влиянием идей метаболизма, всегда четко прослеживается постоянная основа и наращиваемые на нее легкозаменяемые элементы¹. Философские постулаты,

¹ Коновалова Н. А. Кэндзо Тангэ (1913—2005). Москва: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2015. С. 11.

отражающие ментальную матрицу японского народа, нашли репрезентацию в архитектуре метаболизма, объединившей традиционные смысложизненные принципы с новейшими техническими достижениями.

Визуализацию этого симбиоза, наполненного глубоким символизмом, можно увидеть на примере здания телекомпании «Фудзи-ТВ» построенного в 1996 г. по проекту Тангэ Кэндзо (илл. 1).

Илл. 1. Здание телекомпании «Фудзи-ТВ». Архитектор Тангэ Кэндзо, Токио, 1996 г.

Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/717268678138916944/> (дата обращения: 01.10.2025).

Здание состоит из 3 частей, блок В составляет 123,45 м, а общая площадь — 142 800 м². Строительство началось в мае 1993 г. и было завершено в июне 1996. В штаб-квартире 25 наземных и 2 подземных этажа. Слева от медиа-башни находится уникальная сферическая смотровая площадка площадью 53 м² и диаметром 32 м. Высота здания 123,45 м¹.

Данный объект выполнен на стыке стилей метаболизма и хай-тека, и имеет двойной язык кодирования, предполагающий его слоистость. Глубинный слой обусловлен содержанием традиционного культурного кода. К. Тангэ обосновал целесообразность применения структурного подхода в проектировании зданий, который имел отсылку к биоморфизму. Здание проектировалось в соответствии со структурой среды обитания человека и содержало аллюзии на живой организм, способный к

¹ 1996 — Fuji Television — Kenzo Tange. <https://architecture-tokyo.com/2017/05/21/1996-fuji-television-kenzo-tange/> (дата обращения: 01.10.2025).

дальнейшему росту. Эффективным для реализации этой идеи стал прием использования пустоты.

Сочетание основных строительных материалов — стекла и металла — позволило воплотить идею четкого вертикального и горизонтального членения, сохраняя легкость конструкции посредством приема ритмического чередования промежутков в виде пустоты и объемов. Визуализация топологии «пустота» позволила К. Тангэ достичь искомую уникальность здания. Использованный архитектором прием построения композиции помог создать здание по образу клеточного организма с отсылкой, как к идее естественного развития, динамики, так и к идее планирования традиционного японского дома. Прямоугольники, образованные пустотами «напоминают решетки из дерева и бумаги», выполнявшие функцию разграничения внутреннего пространства дома [Киричков 2024]. Пустота является неотъемлемым символом традиционной и современной японской архитектуры, в котором отражена ментальная специфика японского народа, состоящая в обращении внутрь себя, уединенности, что во многом достигается посредством организации пространства пустоты.

Ритмичность композиции, подчеркнутая использованием объемов, передает даосскую идею о строгом ритме мирового развития: мир видимый есть процесс, мир невидимый есть покой. Согласно ей, изменения сменяют друг друга, образуя цикл, «ситуации как бы выплывают из Небытия <...>, исчерпав себя, возвращаются в Небытие» [Григорьева 1979, с. 63] Пустота символизирует само Небытие, которое в Древневосточной философской традиции является потенцией бытия. Фудзи-ТВ, являясь крупнейшей телекомпанией, олицетворяет изменчивость мира, динамичность современного общества, что удалось подчеркнуть в своем проекте К. Тангэ.

Динамизм и хрупкость мира архитектор передал посредством соединительных конструкций в виде «небесных коридоров», которые парят над землей, выполняя при этом техническую функцию соединения разных частей здания, а также символизируют мосты между человеком и техникой. Вместе с тем был достигнут эффект открытости и легкости. «Конструкция здания подчеркивает его масштабность и открытость — чрезвычайно важные для образа компании характеристики, — и, как следствие, они были заложены в концепцию постройки»¹. Набор архетипических японских символов встроен в футуристический облик здания. К. Тангэ говорил о создании коммуникационной архитектуры, примером которой является здание компании «Фудзи-ТВ». Большое значение он уделял коммуникативным пространствам. «Небесные коридоры» явились и функциональными пространствами для коммуникации сотрудников.

В творчестве К. Тангэ четко прослеживается способность к ассимиляции европейского художественного и культурного опыта и преломлению его через японские традиции и созерцательность².

Идея биоморфности архитектурного объекта, динамизма и открытости его формы реализуется современником К. Тангэ — Кикутакэ Киёнори. Его творчество пронизано

¹ Коновалова Н. А. Кэндзо Тангэ (1913—2005). Москва: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2015. С. 60.

² Сосян С. Японо-европейский симбиоз Кензо Танге. <http://designdeluxegroup.com/magazine/2012/08/16/> (дата обращения: 01.10. 2025).

но синтоистско-буддистским духом понимания архитектуры, как встроенного в пространство природы живого организма. Одним из знаковых проектов К. Кикутакэ стало здание отеля Sofitel Tokyo (илл. 2).

Илл. 2. Отель Sofitel. Токио. 1994. Архитектор Кикутакэ Киёнори. (Снесено в 2004 г.).
Источник: <https://gr.pinterest.com/pin/495184921518746452/> (дата обращения: 02.10.2025).

Синтетичность архитектурного мировоззрения К. Кикутакэ состоит в следовании за изменчивостью мира и природы, воплощая традиционные представления о мире с опорой на современные потребности и технические возможности. Основной материал здания бетон, его технические характеристики в совокупности с эстетической аскетичностью, позволили архитектору достичь полифункциональности объекта, сочетающей образность, техническое оснащение, встроенность в окружающую среду и сохранение элементов традиционной японской эстетики, имеющих глубокий символизм. Топологема движения, отражающая идею восточной философии о подвижности изменчивости и иллюзорности мира, воплощена посредством ярусной конструкции здания. Этот принцип привзят из традиционной японской храмовой архитектуры, он лежал в основе строительства пагод. Пагода символизирует цикличность движения, осуществляемого по кругу. Футуристичность конструкции не нарушает принципа природосообразности и вписанности здания в окружающее пространство. Ар-

хитектор достиг этого посредством организации промежуточного пространства между зданием и окружающей средой.

Курокава Кисё в своем творчестве продолжил идеи метаболизма, преобразовав со временем его теоретические принципы посредством развития философии симбиоза. Данная философия стала доктринальной основой архитектуры постметаболизма и импульсом для нового витка в стилировании современной японской архитектуры.

Ее принципы использовались архитектором в проектировании здания Национального центра искусств, построенного в 2007 г. (илл. 3,4). Симбиоз предполагает сочетание как традиций и новаций в рамках культуры и архитектуры Японии, так и «компромисс и гармонию» [Бадлуева 2009] между элементами различных культур. В проекте национального центра искусств идея симбиоза реализовалась посредством применения ряда архитектурных приемов, задавших уникальность этому архитектурному объекту. Архитектурной доминантой и символическим акцентом здания является фасад, выполненный в виде волны. При его создании использовались современные строительные материалы — стекло и металл. Новейшие материалы сочетаются с приемом формообразования посредством гиперболоидных плавных линий, отсылающего реципиента к архетипическим символам японской культуры. Истоки образа волнообразного движения восходят к философии буддизма, где океан является символом мира. Он одновременно и вечное целое, и мгновенное, выраженное в существовании и исчезновении каждой капли [Григорьева 1979, с. 28]. Метафора, лежащая в формообразовании фасада, позволила архитектору провести идею двуединства вещи — сочетания общей природы с единичной. Эта идея присутствует и в даосизме, где подчеркивается как наличие дао — всеобщего единого пути, так и существование неповторимого пути каждой вещи. Волна фасада символизирует симбиоз вечности и иллюзорности бытия, текучесть и неуловимость вещей, переход бытия в небытие. «Движение двуедино в своей основе, следует закону «туда-обратно» (*дзюн-гяку*)... < > Одна вещь соединяется с другой благодаря взаимному притяжению, способности резонировать друг на друга». [Григорьева 1985, с. 59]. Признание реального существования ритма движения, а не самих вещей, обусловили соответствующую архитектурную поэтику, в частности прием «волнообразного движения». [Григорьева 1985, с. 59] Волнообразная линия фасада, круг и конус, являются знаками, символизирующими архетипические представления японцев о цикличности и нелинейности времени.

Особую роль в достижении и поддержании архитектурного симбиоза имеет промежуточное пространство. Оно использовалось в традиционной жилой архитектуре Японии, стиль которой назывался *Сукия* [Бадлуева 2009, с. 63]. Промежуточное пространство является воплощением традиционного принципа японской культуры — перетекания (*каёи*). Он выражает особенность японского мировоззрения, включающего представление о наличии гармонии и возможности совмещения противоположностей без их резких разграничений, посредством «перетекания» одного в другое.

Промежуточное пространство являлось переходным, мягко отделяло внутреннее (жилое) пространство от внешнего. Его нельзя отнести ни ко внешнему, ни ко внутреннему, оно является срединным элементом, вбирающим в себя качества двух первых [Коновалова 2017, с. 38]. Функцию промежуточного пространства в традиционном японском доме выполняла *энгава* — открытая веранда под крышей дома. К. Ку-

рокава воплощает идею как внешнего, так и внутреннего промежуточного пространства. Внешним промежуточным пространством, отделяющим комплекс от окружающей городской среды, является *эспланада*. Поскольку комплекс размещен в плотно застроенном районе Токио и его с трех сторон окружают дороги, то общественное пространство — эспланада — асимметрично смещено вправо. В его пределах располагается вход в здание. Волнообразный фасад, не разделенный этажами, также является промежуточным пространством, отделяя выставочные залы и галереи от внешнего пространства и создавая эффект естественного освещения. Акцентами промежуточного пространства стали два перевернутых конуса, в которых размещаются кафе и рестораны¹.

Функциональность промежуточного пространства сочетается с его эстетикой, которая, в частности, демонстрирует способность архитектора создавать визуальную глубину пространства посредством приемов освещения. Климатические условия Японии обусловили востребованность затененных пространств и приглушенного освещения помещений, что изначально достигалось в традиционной жилой архитектуре благодаря природным материалам — рисовая бумага, бамбук. К. Курокава, опираясь на традиционные принципы освещения, реализовал эффект глубины в новой архитектуре с помощью современных архитектурных приемов и материалов. Входная группа оснащена широким козырьком у основания перевернутого конуса. Он образует затененное пространство, привлекая людей к входу в здание. Волнообразный фасад выполняет роль стеклянного экрана. Перпендикулярно всей его внешней стороне установлены полупрозрачные ребра, повторяющие его сложные контуры. Ребра выполняют функцию жалюзи, ограничивая проникновение в здание прямых солнечных лучей. Стеклянный экран пропускает дневной свет, но задерживает более 90% солнечного тепла и ультрафиолетового излучения².

Использование стекла и металла позволило сохранить сдержанную монохромную гамму в оформлении пространства здания, где доминирующим цветом выступает серый. Он является главным в проектах К. Курокава поскольку позволяет передать глубину пространства, одновременно с ощущением «широты и простора» [Сытник 2015, с. 133].

В завершении анализа приемов интеграции традиционных принципов архитектуры и архетипических символов японской культуры в современное архитектурное пространство, использованных К. Курокава в данном проекте, обратимся к приему асимметрии и символики фигур. Символизм асимметрии состоит в визуализации разнородности элементов архитектурного объекта, в исключительности каждого из них. Вместе с тем это не мешает их гармоничной сбалансированности в границах объекта. Асимметрия визуализирует процессуальность и динамику мира и каждой его составляющей, на примере архитектурного объекта. Данный прием в здании Национального центра искусств применен посредством смещения входа вправо, а также

¹ Коновалова Н. А. Кисё Курокава (1934—2007). Москва: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2016. С. 60.

² Алексеев Д. Национальный центр искусств в Токио (арх. Курокава). <http://delovoy-kvartal.ru/natsionalnyi-y-tsentr-iskusstv-v-tokio-arh-kuroksva/> (дата обращения: 07.10.2025).

использования двух различных конусов в промежуточном пространстве. Данный прием объясняется идеей децентрации в японской культуре, т.е. отсутствием выраженного центра, относительно которого выстраивается симметрия. Центр, как элемент японской семиосферы, является пустотным. Представления о центре как о сакральном месте, то есть месте особой энергетики, обладающей потенцией к порождению нового восходят к синтоистским представлениям, в связи с этим центр не выделен, а напротив — скрыт, завуалирован. Сложная организация архитектором внутреннего пространства здания, содержит идеи децентрации, оперирования к сохранению пустотности пространства.

На примере здания Национального центра искусств прослеживается отсылка к традиционной архитектурной поэтике и концептам японской культуры. К. Курокава, обращаясь к традиционным топологемам *пустоты*, *глубины*, *перетекания*, передает их смысл в знаково-символическом пространстве данного здания в результате философской рефлексии в условиях современности. В целом творчество К. Курокава можно позиционировать как промежуточное пространство, в котором доктринальные принципы религиозно-философских учений Востока получили переосмысление сквозь призму новой философской парадигмы постмодернизма.

Илл. 3. Национальный центр искусств. Токио. Архитектор Курокава Кисё.

Источник: <https://archi.ru/world/3410/steklyannaya-volna> (дата обращения: 05.10.2025).

Проведенный анализ позволил увидеть органичную интегрированность топологем *пустоты*, *глубины*, *перетекания* в современное урбанистическое пространство с сохранением их исконного смысла. В целом, опыт метаболизма и постметаболизма позволил установить и укрепить связи между прошлым и будущим [Pernice 2022].

Илл. 4. Национальный центр искусств. Токио. Архитектор Курокава Кисё. *Источник:* <https://archi.ru/world/3410/steklyannaya-volna> (дата обращения: 05.10.2025).

Заключение

Культурный код Японии воспроизводится в ее современном архитектурном пространстве посредством новой архитектурной поэтики, сочетающей традиции и новации. Ярким примером репрезентации культурного кода выступают архитектурные стили, сформированные в Японии в 1960—1980-е гг. — метаболизм и постметаболизм.

Уникальность архитектуры метаболизма состоит в наличии двойного языка, в основе которого лежит двухуровневый механизм кодирования, позволяющий создавать слоистое сообщение и репрезентировать его в образе. Кодирование традиционных архетипических смыслов осуществляется на коннотативном уровне, посредством образной экспликации концептов японской культуры.

Культура Японии относится к типу пространственных культур в силу доминанты пространства над временем в национальном мировосприятии. В связи с этим первостепенную значимость имеют пространственные концепты — *топологемы*: *пустота (шуньята)*, *глубина (оку)*, *перетекание (каёи)*, *промежуток (ма)*. Они отражают традиционные представления о модели мира, истоки которых восходят к симбиозу синтоизма и заимствованных религиозно-философских учений. Пространственные концепты воплощаются в современной архитектуре посредством совмещения новых архитектурных приемов и строительных материалов с традиционными.

Библиографический список

- Акопян В.Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка. *Поволжский педагогический вестник*. 2015. №2 (7). С. 71—75.
- Бадлуева В.М. Философия симбиоза Кисё Курокавы. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. №329. С. 61—64.
- Гачев Г.М. Национальные образы мира: Курс лекций. Москва: Издательский центр «Академия», 1998. 432с.
- Григорьева Т.П. Япония. История эстетической мысли. В 6-ти т. Т. 2. Средневековый Восток. Европа XV—XVIII веков. Ин-т философии АН СССР; Сектор эстетики. Москва: Искусство, 1985. С. 56—90.
- Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. Москва: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. 368 с.
- Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. Москва: Стройиздат, 1985. 136 с.
- Изотова Н.Н. Коды Японской культуры. Под ред. Т.М. Гуревич. — Москва: МГИМО — Университет, 2021. 301 с.
- Киричков И.В. Концепция пустоты в современной архитектуре Токио. *Современная архитектура мира*. 2024. № 22 (1). С. 129—143.
- Коновалова Н.А. Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. 256 с.
- Кюреган А.Л. Семиотика культуры и культурные коды. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. №4 (2). С. 79—81.
- Решетникова П.А. Организация пространства в японской культуре: концепты и модели. *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2007. №49 (13). С. 269—278.
- Решетникова П.А. 2007b. Топологические основания японской культуры: концепты и модели / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. культурологии. Екатеринбург. 2007. <http://designodelixegroup.com/magazine/2012/08/16/японо-европейский-симбиоз-кензо-танг/> (дата обращения: 30.09.2025).
- Спешилова Е.И., Аванесов С.С. Визуальная структура городской среды и концепт культурного кода. *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. Вып. 4 (38). С. 221—238.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп., Москва: Акад. Проект, 2001. 989 с.
- Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с ит. В. Резник, А. Погоняйло. Санкт-Петербург: Symposium, 2004. 538 [5] с.

References

- Akopyan, V.G. (2015). Vzaimodeistvie kul'turnykh kodov s kodom estestvennogo yazyka [Interaction of Cultural Codes With the Natural Language Code]. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik* [Volga Pedagogical Bulletin], 2 (7), 71—75. (In Russian).
- Badlueva, V.M. (2009). Filosofiya simbioza Kise Kurokavy [Philosophy of Symbiosis of Kise Kurokawa]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 329, 61—64. (In Russian).

Eco, U. (2004). *Otsutstvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu* [Missing Structure. Introduction to Semiology]. Transl. from Italian by V. Reznik, A. Pogonyailo. Saint Petersburg: Symposium. (In Russian).

Gachev, G.M. (1998). *Natsional'nye obrazy mira: Kurs lektsii* [National Images of the World: A Course of Lectures]. Moscow: Akademiya. (In Russian).

Grigorieva, T.P. (1979). *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya* [The Japanese Artistic Tradition]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Grigorieva, T.P. (1985). Yaponiya [Japan]. In *Istoriya esteticheskoi mysli* [History of Aesthetic Thought]. In 6 vols. Vol. 2. Srednevekovyi Vostok. Evropa XV — XVIII vekov [The Medieval East. Europe of the 15th — 18th Centuries] (pp. 56—90). Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Izotova, N.N. (2021). *Kody Yaponskoi kul'tury* [Codes of Japanese Culture]. Ed. by T.M. Gurevich. Moscow: MGIMO. (In Russian).

Jencks, Ch. (1985). *Yazyk arkhitektury postmodernizma* [The Language of Architecture of Postmodernism]. Moscow: Stroizdat. (In Russian).

Kirichkov I.V. (2024). Kontsepsiya pustoty v sovremennoi arkhitekture Tokio [The Concept of Emptiness in Modern Architecture of Tokyo]. *Sovremennaya arkhitektura mira*, 22 (1), 129—143. (In Russian).

Konovalova, N.A. (2017). *Sovremennaya arkhitektura Yaponii: traditsii vospriyatiya prostranstva* [Modern Japanese Architecture: Traditions of Perception of Space]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Kyuregyan, A.L. (2012). Semiotika kul'tury i kul'turnye kody [The Culture of Semiotics and Linguocultural Codes]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 4 (2), 79—81. (In Russian).

Reshetnikova, P.A. (2007). Organizatsiya prostranstva v yaponskoi kul'ture: kontsepty i modeli [Organization of Space in Japanese Culture: Concepts and Models]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 49 (13), 269—278. (In Russian).

Reshetnikova, P.A. (2007b). *Topologicheskie osnovaniya yaponskoi kul'tury: kontsepty i modeli* [Topological Foundations of Japanese Culture: Concepts and Models]. Dissertation abstract. Yekaterinburg. (In Russian).

Speshilova, E.I., Avanesov, S.S. (2023). Vizual'naya struktura gorodskoi sredy i kontsept kul'turnogo koda [The Visual Structure of the Urban Environment and the Concept of the Cultural Code]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki* [ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics], 4 (38), 221—238. (In Russian).

Stepanov, Yu.S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd edition. Moscow: Akad. proekt. (In Russian).

* * *

Hojda, O. (2020). Japan and Modern Architecture, 1945—1970. Discourse in the mid-20th-century Europe. 1960s: Emancipation, Criticism. *AUC PHILOSOPHICA ET HISTORICA*, 195—205.

Pernice, R. (2021). From the Urbanism of Metabolism to Sydney/Tokyo Waterfronts Regeneration (2019—2022). *Environmental Sciences Proceedings*, 12 (1), 17. <https://doi.org/10.3390/environsciproc2021012017>.

Pernice, R. (Ed.). (2022). *The Urbanism of Metabolism: Visions, Scenarios and Models for the Mutant City of Tomorrow*. Routledge.

Shevtsova, G.V., Gorbyk, O.O., Kubko, A.Y. (2020). Modern specific of Japanese urbanism as a result of the country's cultural mentality distinctiveness. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 907, 012001. DOI:10.1088/1757-899X/907/1/012001.

Поступила в редакцию: 21.11.2025

Received: 21 November 2025

Принята к публикации: 17.04.2026

Accepted: 17 April 2026